

Василий Верещагин

Из записной книжки

Василий Верещагин
Из записной книжки

«Public Domain»

1899

Верещагин В. В.

Из записной книжки / В. В. Верещагин — «Public Domain»,
1899

«Лето я проводил в одном из южных курортов. Слоняясь по парку в полнейшем одиночестве, благодаря отсутствию знакомых, которых, кстати сказать, я не охотник заводить, я от скуки занимался наблюдением и изучением довольно многочисленной в этом сезоне публики. Но – должен признаться, что, несмотря на самое усердное наблюдение, долгое время не мог натолкнуться на что-либо сколько-нибудь оригинальное или занимательное, по крайней мере, для меня...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

10

Василий Верещагин Из записной книжки

Лето я проводил в одном из южных курортов. Слоняясь по парку в полнейшем одиночестве, благодаря отсутствию знакомых, которых, кстати сказать, я не охотник заводить, я от скуки занимался наблюдением и изучением довольно многочисленной в этом сезоне публики. Но – должен признаться, что, несмотря на самое усердное наблюдение, долгое время не мог натолкнуться на что-либо сколько-нибудь оригинальное или занимательное, по крайней мере, для меня.

Как, вероятно, на всех курортах земного шара, куда люди съезжаются, чтобы наверстать растратенное или нажить не унаследованное от природы здоровье, а также кстати и затем, чтобы посмотреть на людей и показать себя или свои наряды, – и здесь в часы музыки и питья вод публика сосредоточилась главным образом в аллеях, прилегающих к источникам, и крытой эстраде, откуда гремели трубачи, повторяя свои избитые музыкальные мотивы. Более или менее разряженная, толпа эта двигалась двумя встречными волнами, занятая, очевидно, как и я, изучением ближнего или же разбиваясь на отдельные лица, сосредоточенно потягивающие через стеклянные трубочки или прямо из стаканов различные чудодейственные «нумера».

Вот эти-то последние, т. е. отделившиеся от толпы фигуры, как объекты более удобные для наблюдений, и привлекали к себе преимущественно мое внимание, и скоро все эти задыхающиеся толстяки, тучные дамы, истощенные или анемичные девицы стали мне знакомы до бесконечности; я изучил в совершенстве их лица и выражения, знал минуты их появления у источников, знал, на какие скамейки присядут они отдохнуть после урочных прохаживаний по галерее или площадке.

Итак, каждый из нас был так или иначе занят собою или ближним, и, казалось бы, совершенно напрасно там, за этим парком и с возвышенных его пунктов раскидывались самые волшебные картины, которые заботливая природа в дополнение к целебным своим дарам набросала повсюду кругом, как бы для услаждения взоров своих страждущих сынов, прибегающих к ней за исцелением: люди, как и всегда, тяготели к себе подобным по преимуществу.

И вот неожиданно на фоне этих уже страшно прискучивших мне фигур выделились два лица, сразу приковавшие к себе мое жаждавшее новизны внимание, и не столько сами по себе, сколько своим отношением друг к другу. В один прекрасный день я как-то особенно долго засиделся за сигарой на веранде нашего отеля, наблюдая, как обедающая публика сменяла одна другую за этими многочисленными, красиво сервированными столиками, как вдруг на террасе произошло движение: военные, обедавшие там и тут в различных концах террасы, как-то почти все вдруг поднялись со своих мест и направились навстречу новому посетителю, который только что поднялся по ступенькам. Его окружили, приветствовали, и он, по-видимому, очень радушно отвечал на приветствия. То был моряк – и, должно быть, большого чина – среднего роста и средних лет и такой исключительной изящной представительности, что нельзя было не залюбоваться на него с первого же взгляда. Некоторое время он оставался посреди террасы, разговаривая с окружавшими его военными господами, среди которых были и другие моряки; затем, в сопровождении двух из них, вероятно, более близких знакомых или товарищей, направился к освободившемуся как раз недалеко от меня столу. Теперь я мог хорошенько рассмотреть его наружность; наружность эта, как и вся его манера, носила на себе тот же отпечаток исключительного изящества: и удивительно правильные тонкие черты, и глаза, и небольшая русая бородка, и мягкие, несколько загнутые по краям усы, – все было необыкновенно красиво, а в особенности глаза, ясные, глубокие,

темно-синие, привыкшие, очевидно, всматриваться в неизмеримые пространства безбрежного моря; которое как будто в них и отразилось. Да, я, мужчина, – я положительно на него залюбовался.

Официанты особенно усердно и подобострастно суетились вокруг этого чиновного моряка – подкладывали карточки, раскупоривали бутылки. Между обедающими товарищами завязался оживленный и, должно быть, интересный разговор, который за окружающим шумом и звяканьем посуды, разумеется, нельзя было расслышать. Они уже оканчивали свою, по-видимому, довольно обильную и сложную трапезу, когда к другому свободному и еще более соседнему со мною столику приблизилась дама, которую я тоже видел в первый раз. Вся в черном, высокая, худенькая, но очень стройная, еще довольно молодая и очень миловидная, она показалась мне болезненной и необыкновенно грустной. Поместившись за своим столиком, она очутилась как раз напротив обедающих друзей, но, погруженная в какую-то свою печальную думу, она, не поднимая опущенных глаз, медленно стягивала свои черные перчатки. И только когда официант со своей неразлучной салфеткой наклонился перед ней, осведомляясь, что ей угодно будет приказать, она взглянула вверх – и тут, очевидно впервые, увидела сидевшего так близко напротив нее красивого флотского офицера; при этом, к моему немалому изумлению, внезапная бледность мгновенно покрыла ее лицо; на нем отразились тревога и смущение, вся она как-то заволновалась, но, впрочем, вскоре овладела собой и на повторенный вопрос ожидавшего служителя проговорила: «Прежде всего дайте мне стакан воды». Что касается моряка, то я, занятый своей соседкой, не уловил его первого впечатления, но в дальнейшем я видел, как он изредка взглядывал на свою визави, но таким взглядом, каким смотрят на нечто совершенно незнакомое, хотя, быть может, и привлекательное, каковою мне все более начинала казаться моя соседка. Мне крайне нравился и ее грустный вид, и тихие движения, а главным образом то, что, начиная с ее бледного миловидного лица и простого черного наряда, кончая этим выражением грусти и равнодушия к окружающему, из которого ее, очевидно, вывела только эта неожиданная встреча, – она так приятно для меня отличалась от всех виденных мною до сих пор дам нашего курорта. К тому же, признаюсь, меня немало заинтриговало это волнение, которое, хотя и подавленное, по-видимому, ее не покидало. Я чувствовал, что тут кроется не банальная подкладка. Красивый моряк и его два товарища вскоре удалились, после чего моя соседка, вероятно, только для вида и медленными глотками отпивавшая свой кофе, тоже почти сейчас же оставила террасу. В этот день я не встречал ее более ни на музыке, ни вечером в курзале.

Но на другой день, когда я прочитывал газеты, сидя в павильоне, где обыкновенно после обеда составлялась карточная игра на несколько столов (в этот день в числе играющих находился и красивый флотский офицер со своими товарищами), я вдруг увидел свою вчерашнюю незнакомку; она шла по аллее, опять одна, в том же черном наряде и все с тем же выражением грусти в своих больших темных глазах. Поравнявшись с павильоном, она пристально заглянула в него, затем круто повернула на боковую дорожку и заняла ближайшую, несколько замаскированную кустами скамейку, с которой, однако, прекрасно можно было видеть всех, находящихся в павильоне. Я насторожился как шпион: мне хотелось убедиться, знакомы ли между собою эти неведомые мне, но почему-то, вероятно, от здешнего безделья и однообразия, так сильно интересовавшие меня лица. Я предполагал тут условленное свидание. Ждать мне пришлось, однако, довольно долго; играющие много раз уже переменились местами, что, поскольку мне ведомо (я не игрок и даже питаю какую-то врожденную неприязнь к картам), означает новую партию, пульку или робер¹, как их там называют. Незнакомка в черном тоже не покидала своего места. Откинувшись будто в сильном

¹ *Робер* (роббер) – круг игры в вист, состоящий из трех партий.

утомлены на спинку скамьи, она не отводила своих полузакрытых глаз от павильона. Но вот игра окончилась, наконец, и партнеры после некоторых расчетов и переговоров разошлись по разным сторонам парка. Последним покидал павильон красивый морской офицер. Спустившись в аллею, он приостановился на мгновение, затем пошел было вперед, но в следующий момент вернулся и направился к той скамейке, где сидела моя незнакомка в черном. Итак, я угадал!.. Мне уже становилось стыдно за свое шпионство... Но своей решительной и красивой, как все его манеры, походкой он прошел мимо и начал спускаться под уклон, где находился источник, – то, вероятно, был час, когда он пил воды. А она, моя незнакомка? Я издали видел ее замешательство, я видел, как при его приближении она, будто в ожидании, как-то притаилась на своей скамье; я видел, что и он заметил ее присутствие, так как, проходя, обратил к ней свои прекрасные «морские» глаза. Он скоро исчез за поворотом дорожки, и моя незнакомка не замедлила покинуть свой пост.

И на другой день, и на третий, и в последующие дни в послеобеденное время, когда партнеры собирались в павильоне, я неуклонно заставлял ее все на той же избранной ею скамейке и терпеливо ожидающей того, кто, по-видимому, так неотразимо притягивал ее сюда. Она его искала, она приходила для него – это было очевидно. На террасе курзала я не встречал ее более; но зато регулярно, все в один и тот же час, как и там, около павильона, она появлялась с книгой в руках в цветнике, разбитом перед этой террасой, и садилась на самый отдаленный из садовых диванчиков. Была ли то простая случайность, но только час ее появления, – я хорошо это заметил, – неизбежно совпадал с тем временем, когда среди обедающих, на террасе находился и тот флотский офицер. Была ли это тоже одна только случайность, но всякий раз при выходе из курзала или павильона, при следовании ли по аллее он, словно предуведомленный какой-то электрической искрой об ее присутствии, немедленно обертывался в ту сторону, где она, всегда одинокая и всегда на какой-нибудь уединенной скамейке, очевидно, стерегла его появление. И всякий раз, увидев ее, он, как это мне казалось, как будто медлил одно мгновение, затем решительной и тоже «морской» своей походкой проходил дальше. И я, неведомый свидетель этого неуловимого романа, – я издали угадывал, как под его взглядом преображалось ее грустное симпатичное лицо. Но ни разу не видел я, чтобы они подошли друг к другу, сказали между собою хоть слово. Она его искала, повторяю; он ее не избегал – вот и все, что я мог констатировать. Что же они были один другому? Как ни стыдился я своего любопытства, тем не менее мне крайне хотелось разгадать эту загадку. Во мне было, я полагаю, затронуто любопытство наблюдателя, который стремится получить точные выводы на основании добытых наблюдений. Чтобы еще более оправдать свое любопытство и, главное, подчеркнуть его абстрактный характер, скажу, что я, разумеется, не сделал ни одного шага для того, чтобы узнать, кто она или где она живет. Что касается этого чиновного флотского офицера, то социальное положение его более или менее говорило само за себя, а имя, конечно, не могло бы мне ничего объяснить. Итак, передо мною была задача с двумя неизвестными, и я тщетно пытался ее разрешить.

Всего только раз думал я, что уловил их, наконец, на условленной встрече. Провожая однажды от нечего делать кого-то из случайных знакомых на один из дачных поездов, которые отходят и приходят здесь каждые полчаса, я внезапно увидел свою незнакомку у открытого окна вагона второго класса. Она стояла у этого окна, несколько подавшись вперед, как бы ожидая кого-либо, и тревожно всматривалась в веселую толпу провожавших и отъезжающих. Прозвонил третий звонок, поезд уже готов был тронуться, – я видел, как моя незнакомка, вероятно, обманутая в своем ожидании, откинулась в глубину вагона, – когда мимо меня быстрым шагом, почти бегом, прошел тот, кого она, без сомнения, уже не надеялась тут увидеть; ловко, почти на ходу поезда, вскочил он на подножку того же вагона второго класса и, сделав под козырек кому-то из остающихся, скрылся в дверцах этого вагона. Судьба положительно как бы нарочно сталкивала меня с ними: вечером мне опять пришлось быть

на дебаркадере, и поезд, который в это время возвратился из Б., привез обратно так сильно занимавших меня людей. Но опять я, по-видимому, ошибся в предположениях: они возвратились с одним и тем же поездом, но, – я хорошо это видел, – вышли из разных вагонов и разошлись каждый в свою сторону, как бы и не подозревая о присутствии один другого. Если они скрывались, то зачем и от кого, так как, по-видимому, здесь, по крайней мере, они были совершенно независимы; и к тому же она, кажется, не была даже ни с кем знакома.

Затем еще раз – это было как-то под вечер – на юге вечер наступает рано, едва ли не часов с семи, – возвращаясь с отдаленной загородной прогулки, я по дороге присел отдохнуть на одну из лавочек под липами, которыми на этой улице нашего городка отделялись тротуары от мостовой. В воздухе было так тихо и приятно; улица, окаймленная этими деревьями, казалась такой чистой и уютной; зеленые ветви так приветно заглядывали в растворенные окошки; маленькие терраски почти у каждого дома так заманчиво сбегали на усыпанный песком тротуар, что положительно не хотелось уходить. Музыка, вероятно, только что окончилась, и мимо меня парочками или целой компанией дефилировали гуляющие, расходившиеся по домам, куда их так рано загонял строгий режим курорта. Провозили тут в ручных колясочках несчастных ревматиков или разбитых параличом; проходили нагруженные своими «восточными товарами» персы и татары, покончившие на сегодня свою бойкую сезонную торговлю; проходили перетянутые в рюмочку щеголи-казаки. И наконец, – я издали узнал его поступь и осанку, – мимо меня размеренным шагом гуляющего и заложив руки за спину проследовал в своем кителе и несколько надвинутой на глаза белой морской фуражке красивый флотский офицер.

Я инстинктивно оглянулся по сторонам – настолько привык я встречать одновременно этих двух интересовавших меня людей. И действительно, не прошло минуты, как я увидел и ту, которую искал глазами. На этот раз она шла очень быстро, будто спешила. Прямызна улицы позволяла различать на далекое расстояние, и я видел, как несколько опередивший ее флотский офицер остановился перед одной из террасок и, облокотившись на ее перила, вступил с кем-то в разговор. При этом незнакомка моя тотчас же замедлила свой шаг и, так как беседа все еще продолжалась, присела на лавочку под деревья. Несколько минут спустя моряк распрощался и, обернувшись в ее сторону, вероятно, увидел ту, которая, я не сомневался, пришла сюда для него; он скорым шагом пошел по ее направлению, она тоже немедленно поднялась, но вместо того, чтобы идти к нему навстречу, точно раздумала, скользнула под деревья и перешла на другую сторону улицы. Он некоторое время смотрел ей вслед, как бы в изумлении, затем пошел дальше, и я долго видел, как он шел все вперед и вперед по этому прямому, как стрела, и отененному липами тротуару.

После этого я махнул на них рукой и уже окончательно пришел к заключению, что действительно все это, вероятно, одна случайность, что люди эти – совершенно чужие друг другу и что только мое праздное воображение создало тут какой-то таинственный роман. К тому же срок моего пребывания здесь приходил к концу; мне оставалось всего несколько дней до отъезда, и, как это всегда бывает, я мысленно был уже весь там, куда меня призывали обстоятельства. Связь с окружающим порывалась, и оно утрачивало то значение, которое временно все-таки приобретает для каждого, даже случайного посетителя того или другого уголка божьего мира. Кроме того, в течение последующих дней я даже не встречал нигде эту загадочную пару и, признаюсь, был уверен, что они совсем покинули наш городок. Но та же услужливей судьба непременно пожелала столкнуть меня с ними еще раз. Было это опять на дебаркадере. Последнее время каждый день разъезжались по разным направлениям множество лечившихся у нас и на окружных курортах, и вот, чтобы заручиться порядочным местом, приходилось хлопотать, телеграфировать, наводить различные справки заблаговременно. Эти-то хлопоты и привели меня на местный вокзал; кстати, я прошелся и на платформу. Отходивший поезд был дальний, и пассажиров – множество. Носиль-

щики, навьюченные всевозможным багажом, сновали как угорелые; едва поспевая за ними, бежали обладатели этого багажа; места брались положительно с бою. Прохаживаясь взад и вперед, я вдруг увидел свою незнакомку. Прислонившись к одной из обвитых диким виноградом колоннок, поддерживающих навес, она стояла с видом такой безнадежности, что я едва удержался, чтобы не подойти и не сказать ей хоть слово утешения; но, разумеется, я этого не сделал, а, отойдя несколько в сторону, чтобы не быть замеченным, ожидал, что будет. Вот раздался второй звонок, пассажиры, по-видимому, несколько поразместились, и из выходной двери вокзала показался тот, кого я не сомневался здесь увидеть. Он шел в сопровождении носильщика, несшего его небольшой, но изящный багаж, и когда он поравнялся с тем местом, где стояла она, моя печальная незнакомка, я видел, что она сделала рукой движение, как бы желая ее протянуть; и тут только впервые я заметил в этой руке прекрасную, перегнувшуюся от тяжести на своем стебельке, крупную чайную розу. Но на этот раз он не замедлил шага, он даже не оглянулся и, сопровождаемый носильщиком, прямо прошел в вагон первого класса. Рука бессильно опустилась и выронила розу, а обладательница ее затерялась в толпе. Я инстинктивно, почти опрометью, бросился к тому месту, которое она оставила: розу уже успели растоптать, а рядом с нею белела миниатюрная визитная карточка. Я поднял эту карточку и – о, да простят мне боги! – прочел единственное слово, наскоро набросанное на ней карандашом, – то было «Farewell» («Прости»)! На оборотной стороне, вероятно, значились имя и фамилия... но тут врожденная корректность одержала верх, и, чтобы не поддаваться новому искушению, я, не перевертывая карточки, разорвал ее на мелкие клочки...

А через два дня я сам покидал N и покидал его, так и не разрешив своей дилеммы.

* * *

По поводу прибытия в Россию тибетской миссии многие газеты заходят так далеко, что говорят о возможности протектората России над Тибетом, о близком открытии этой страны для европейцев, их науки и цивилизации...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.